

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ

*ПСИХОЛОГИЯ
ЗАПАДНОЙ РЕЛИГИИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 159.9
ББК 88.5
Ю50

Серия «Эксклюзивная классика»

C. G. Jung
PSYCHOLOGIE UND RELIGION
VERSUCH EINER PSYCHOLOGISCHEN DEUTUNG
DES TRINITATSDOGMAS
(Collected Works, Volume 11)

Перевод с немецкого *В. Желнинова*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Ферец*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

В оформлении обложки использован фрагмент миниатюры
Жана Фуке «Троица со всеми святыми
из «Часослова Этьена Шевалье», XV в.

Печатается при содействии литературного агентства
Paul & Peter Fritz Agency.

Юнг, Карл Густав.

Ю50 Психология западной религии : [сборник] / Карл
Густав Юнг ; [перевод с немецкого В. Желнинова]. —
Москва : Издательство АСТ, 2023. — 352 с. — (Экс-
ксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-156145-1

Религиозная проблематика как одна из базовых констант мировоззрения человека всегда была важной составляющей исследований Юнга. Он выдвинул идею, что любой человек религиозен априори, а религия есть особая установка ума, отражающая врожденную потребность человека в благочестии и высшем священном руководстве.

В работах, составивших сборник, автор исследует не только метафизику и философию западной религии, но рассматривает ее также с точки зрения психологии, представляя оригинальное видение архетипичной основы христианства и неожиданные трактовки основных христианских символов и догматов.

УДК 159.9
ББК 88.5

© Rascher & Cie. AG, Zürich, 1963
© Foundation of the Works of C.G. Jung, Zürich, 2007
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

ПСИХОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ

*Цикл лекций, прочитанных К. Г. Юнгом по-английски
в 1937 г. в Йельском университете (США).*

Предисловие автора

При сверке и редактировании немецкого перевода «лекций Терри», любезно мне предоставленного, я воспользовался возможностью внести ряд исправлений — в основном расширяя и дополняя высказанные ранее соображения. Преимущественно эти исправления коснулись второй и третьей лекций.

Оригинальное английское издание уже содержит значительно больше, чем можно изложить в устном выступлении. Тем не менее в нем сохранен, насколько это возможно, лекторский стиль — не в последнюю очередь потому, что американский публичный вкус более приспособлен именно к этому стилю, а не к восприятию и усвоению научных трактатов. Немецкое издание также несколько отличается в данном отношении от английского оригинала, но никаких изменений принципиального характера в него не вносилось.

Октябрь 1939 г.

1

Автономность бессознательного

Поскольку целью Терри, попечителя настоящих лекций, было позволить представителям науки, равно как философии и других областей человеческого знания, внести свой вклад в обсуждение извечной проблемы религиозности и поскольку Йельский университет оказал мне высокую честь прочитать курс лекций в 1937 году, моя задача, как видится, должна заключаться в том, чтобы показать сходство между психологией — точнее говоря, не психологией вообще, а той специальной отраслью медицинской психологии, которой я занимаюсь — и религией. Религия, вне сомнения, является одним из самых ранних и наиболее универсальных видов деятельности человеческого ума, и вполне очевидно, что всякая психология, изучающая психологическую структуру человеческой личности, попросту не может не принимать во внимание тот факт, что религия не только социологическое или историческое явление — она обладает чрезвычайной личностной ценностью для множества индивидуумов.

Меня часто представляют философом, однако я был и остаюсь эмпириком, который придерживается феноменологической точки зрения. Полагаю, что если кто-то время от времени предается размышлениям, которые выходят за пределы простого сбора и классификации опытных данных, это никоим образом не вступает в противоречие с принципами научного эмпиризма. Более того, я убежден, что без рефлексии вовсе нет опыта, поскольку «опыт» есть процесс ассимиляции, без которого невозможно понимание происходящего. Отсюда следует, что я подхожу к психологическим задачам с научной, а не с философской точки зрения. В той степени, в какой религии присуще крайне существенное психологическое начало, я рассматриваю ее сугубо эмпирически, то есть ограничиваюсь наблюдением ее проявлений и воздерживаюсь от высказывания метафизических или философских соображений. Я не отрицаю значимость указанных соображений, но не считаю себя достаточно компетентным для того, чтобы применять их грамотно.

Большинство людей, я уверен, мнят себя всесторонне осведомленными в психологии, поскольку психология в их понимании есть то, что они сами о себе знают. Увы, боюсь, что психология на самом деле представляет собой нечто большее. Она имеет мало общего с философией, зато широко обращается к эмпирическим фактам, многие из которых труднодоступны для повседневного опыта обычных людей. Мое намерение состоит в том, чтобы представить, пусть по необходимости кратко, способы,

какими практическая психология приступает к изучению религиозных вопросов. Разумеется, всю широту данной проблематики крайне затруднительно исчерпывающе изложить в трех лекциях, ведь доказательства каждого конкретного положения потребуют значительно больше времени и куда более подробных объяснений. Первая лекция будет таким введением в проблемы взаимоотношений практической психологии с религией. Во второй лекции речь пойдет о фактах, подтверждающих существование подлинной религиозной функции бессознательного, а в третьей лекции будет рассмотрен религиозный символизм бессознательных процессов.

Раз уж я намерен прибегнуть к довольно специфической, не совсем обычной аргументации, то нужно убедиться в том, что моя аудитория хорошо знакома с методологическими принципами той психологии, которую я представляю. Эти принципы исключительно феноменологические по своей природе, они опираются на конкретные психологические состояния, события и опыт, одним словом — на факты. Истиной для них выступают именно факты, а не суждения. Например, когда речь заходит о мотиве непорочного зачатия, мою отрасль психологии интересует сам факт наличия такой идеи; ее не занимает вопрос истинности или ложности этой идеи в любом ином смысле. Данная идея психологически истинна ровно настолько, насколько она существует. При этом психологическое существование субъективно лишь до тех пор, пока та

или иная идея возникает у единственного индивидуума; когда же идея принимается обществом, она становится объективной в силу *consensus gentium*¹.

Такая точка зрения свойственна вообще всем естественным наукам. Психология трактует идеи и прочие плоды сознания точно так же, как зоология, к примеру, трактует различные виды животных. Слона считается «истинным» просто потому, что он существует. Он не является ни умозаключением, ни субъективным суждением Творца. Слон есть явление нашего мира. Но мы настолько свыклись с мыслью о том, будто психические события суть плоды воли или произвола, или даже изобретения творца-человека, что нам трудно освободиться от предубеждения, гласящего, что психика и все ее содержание есть наше собственное волюнтаристское изобретение — или более или менее иллюзорный продукт наших предположений и суждений. Факты же свидетельствуют, что определенные идеи существуют почти повсеместно и во все времена, что они могут воспроизводиться спонтанно, совершенно независимо от миграций или традиций. Они не творятся индивидуумами, а приходят в индивидуальные сознания — порой даже вторгаются насильственно. Это не платоновская философия, а подлинная эмпирическая психология.

Прежде чем рассуждать о религии, хочу сразу пояснить, что я вкладываю в это понятие. Религия, как следует из латинского корня этого слова, есть

¹ «Согласия народов» (*лат.*), общего согласия. — *Примеч. ред.*

тщательное и добросовестное наблюдение за тем, что Рудольф Отто точно называл нуминозисом¹ — то есть за динамическим существованием, или действием, которое не вызвано произвольным актом воли. Напротив, такое действие охватывает человека и подчиняет его себе, так что индивидуум всегда скорее жертва, а не творец. Нуминозное, какие бы причины его ни обуславливали, выступает как опыт, независимый от воли субъекта. Везде и всюду религиозные учения и *consensus gentium* объясняют этот опыт как следствие причины, внешней по отношению к индивидууму. Нуминозное — это либо качество видимого объекта, либо влияние незримого нечто, которое вызывает особого рода изменения в сознании. Во всяком случае, таково общее правило.

Впрочем, возможны некоторые исключения, когда мы говорим о религиозных практиках или ритуалах. Великое множество ритуальных действий совершается с единственной целью осознанного самостоятельного производства нуминозного посредством каких-то магических приспособлений, будь то мольбы, заклинания, жертвоприношения, медитации и прочие йогические упражнения, причинение себе всякого рода увечий или что-либо еще. Но религиозное верование в наличие внешней и объективной божественной причины всегда предшествует подобным действиям. Католическая церковь,

¹ См. его работу «Священное. Об иррациональности в идее божественного и его отношении к рациональному». — *Примеч. авт.*

например, причащает Святыми Дарами ради того, чтобы наделить верующего духовным благословением; поскольку же этот акт равнозначен принудительному вызову благодати посредством неоспоримо магических процедур, логично заключить, что божественную благодать в акте причастия никто не способен вызвать принудительно, что причастие есть некое божественное установление, которое попросту не возникло бы по воле Господа в отсутствие Божьего промысла¹.

Религия представляется мне особой установкой человеческого ума, которую возможно охарактеризовать в соответствии с изначальным употреблением слова *religio*, означавшего тщательное рассмотрение и наблюдение за некими динамическими факторами, которые понимались как «потусторонние силы», — за духами, демонами, богами, законами, идеями, идеалами, то есть за всем, что человек обнаруживал в своем мире и считал чем-то могущественным, опасным либо достаточно полезным для того, чтобы принимать во внимание, либо величественным, прекрасным или значительным, заслу-

¹ *Gratia adiuvans* и *gratia sancificans* (благодать поддерживающая и благодать освящающая) суть результаты *sacramentum ex opere operate* (Таинства из свершения свершившегося). Причастие оказывается действенным в силу того обстоятельства, что оно было учреждено самим Христом. Церковь не в состоянии совместить ритуал с благодатью таким образом, чтобы акт таинства вызывал присутствие и воздействие благодати. Следовательно, ритуал, отправляемый священнослужителем, есть не *causa instrumentalis* (действие инструментальное), а только *causa ministerialis* (действие служебное). — *Примеч. авт.*

живающим благоговейной любви и почитания. В повседневной речи мы часто говорим, что человек, который живо интересуется чем-либо, преследует свою цель почти с «религиозной одержимостью»; Уильям Джеймс замечает, к примеру, что ученый часто лишен веры, однако «набожен по духу»¹.

Хочу сразу указать, что под понятием «религия»² я не имею в виду вероучение. Однако верно, что всякое вероучение исходно основывается, с одной стороны, на опыте постижения нуминозного, а с другой стороны, — на преданности и верности, на доверии к некоему испытанному воздействию нуминозного и к последующим изменениям сознания. Поразительным примером здесь может служить обращение апостола Павла. Значит, можно сказать, что понятие «религия» обозначает особую установку сознания, подвергнувшуюся изменению вследствие опыта постижения нуминозного.

Вероучения суть кодифицированные и догматизированные формы первоначального религиозного

¹ См.: «Прагматизм. Новое наименование для некоторых старых методов мышления»: «But our esteem for facts has not neutralized in us all almost religious. Our scientific temper is devout» («Наше уважение к фактам не погасило в нас окончательно огня религиозности. Само это уважение имеет какой-то религиозный характер». — *Ред.*). — *Примеч. авт.*

² Religio est, quae superiosis cuiusdam naturae (quam divinitam vocant) curam, caeremoniamque affert («Добродетель же поклонения есть нечто, внушающее почтение и благоговение перед некоей высшей силой, каковую можно назвать божественной») — Цицерон, «О нахождении риторики», II. О «добросовестных показаниях самого свидетеля, давшего клятву» — см. Цицеронову «Речь в защиту Марка Целия Руфа», 55. — *Примеч. авт.*

опыта¹. Содержание опыта становится освященным и обычно застывает в жесткой, зачастую хорошо разработанной структуре идей. Практика и воспроизводство первоначального опыта делаются ритуалом и неподвластными изменениям институцией. Однако это вовсе не означает, что нужно видеть в них безжизненное окаменение. Напротив, они могут на века стать формой религиозного опыта для миллионов людей без малейшей нужды в изменениях. Хотя католическую церковь часто обвиняют в чрезмерной строгости правил, она все же признает за догматами живой характер, вследствие которого они подвержены изменению и развитию. Даже количество догматов ничем не ограничено и с течением времени может возрасть. То же самое верно и для ритуалов. Но все изменения и все последующее развитие должны оставаться в рамках первоначально испытанных фактов, из-за чего появляются особое догматическое содержание и эмоциональная значимость. Даже протестантизм, который совершенно явно стремится к почти полному освобождению от догматической традиции и кодифицированного ритуала, а потому разделившийся более чем на четыре сотни деноминаций, — так вот, даже протестантизм вынужден соотносить себя с христианством и выражать себя в рамках верования, согласно которому Господь воплотился в Христе, приняв-

¹ См.: *Scholz*, *Die Religionsphilosophie des Als-Ob*. Шольц настаивает на сходной точке зрения. См. также: *Pearcy*, *A Vindication of Paul*. — *Примеч. авт.* Г. Шольц — немецкий философ, автор трудов по логике, метафизике и религии. — *Примеч. ред.*

шем страдания за род человеческий. Это вполне определенные пределы с четко установленным содержанием, которое нельзя соединить с буддистскими или исламскими идеями и эмоциями или расширить за их счет. Но не подлежит сомнению при этом, что не только Будда или Мухаммад, Конфуций или Заратустра олицетворяют религиозные явления; в равной степени этим качеством обладают также Митра, Аттис, Кибела, Мани, Гермес и божества многих других экзотических культов. Психолог, принимая научный подход, должен отвергать притязания множества вероучений на уникальность и владение вечной истиной. Он должен исследовать человеческую сторону религиозного учения, ибо его занимает первоначальный религиозный опыт, независимо от того, как последний используется в различных вероучениях.

Будучи врачом и специалистом по нервным и психическим заболеваниям, я исхожу не из конкретных вероучений, а из психологии *homo religiosus* — человека религиозного, который принимает во внимание и тщательно наблюдает некие воздействующие на него факторы (определяющие тем самым условия его жизни). Не составит труда обозначить и охарактеризовать эти факторы в согласии с исторической традицией или с этнологическим знанием¹, однако будет невероятно трудно

¹ Так у автора, но корректнее в данном случае говорить, скорее, об этнографическом или социально-антропологическом знании, поскольку имеются в виду различные обычаи и обряды у разных народов, а не теоретические построения. — *Примеч. ред.*

проделать то же самое с точки зрения психологии. Все, что я могу сказать по поводу религии, целиком и полностью почерпнуто из моего практического опыта, из общения с моими пациентами и с так называемыми нормальными людьми. А поскольку наш опыт взаимодействия с другими в значительной степени зависит от нашего к ним подхода, я постараюсь хотя бы в общих чертах рассказать, как я выстраиваю работу с пациентом.

Любой невроз связан с внутренней, если угодно, интимной жизнью человека, и потому пациент всегда испытывает немалые колебания, когда ему приходится давать полный отчет о всех тех обстоятельствах и сложностях, которые привели к его болезненному состоянию. Но что же мешает пациенту выговориться свободно? Чего он боится, стесняется, стыдится? Все дело в том, что он «тщательно наблюдает» упомянутые внешние факторы, которые в совокупности составляют, как принято выражаться, общественное мнение, респектабельность и репутацию. Даже доверяя своему врачу и в какой-то миг перестав робеть перед ним, пациент не хочет или опасается признаваться в некоторых фактах самому себе, словно ощущая некую угрозу от самоосознания. Обыкновенно мы боимся того, что кажется нам подавляющим. Но есть ли в человеке что-то такое, что может быть сильнее его самого? Здесь нужно помнить, что всякий невроз подразумевает присутствие той или иной степени деморализации. Невротик теряет веру в себя. Невроз — это унижительное поражение, так эта болезнь ощуща-